

обратить внимание и на то, что сохранившиеся латинские команды записаны в трактате латинскими же буквами¹⁷ (у Маврикия — чаще греческими), а это опять же указывает на более раннее время.

Таким образом, если «Стратегикон» датируется временем правления императора Маврикия (582—602)¹⁸, то трактат «*De militari scientia*» можно приблизительно отнести к 70-м—80-м годам VI в.¹⁹ Что касается личности автора, то он, по всей видимости, был практическим военным, а не кабинетным стратегом, каков «византийский аноним VI в.». Приказы, которые автор нашего трактата советует отдавать, все приведены в прямой речи и звучат очень живо. Автор, безусловно, суеверен: при всяком упоминании о возможности поражения он восклицает «Чур нас от этого!» Победа же для нашего анонима — это всегда результат божьей милости (Me mil. P. 123.21—22; 127.20).

Цитированный выше отрывок, где упоминаются славяне, почерпнут, скорее всего, из общего с Маврикием источника, но венценосный автор сократил изложение, и у него соответствующий пассаж о засадах выглядит так: «... это полезно против белокурых и прочих бесчинных народов» (Maur. P. 194). Однако в целом глава IV.I «Стратегикона» «О засаде и обмане сильных народов», хоть и похожа на соответствующую главу анонима, но ни одним словом с ней не совпадает. Что касается существа цитированного пассажа, то Маврикий также сообщает о полезности засад против славян (Maur. P. 380. 124) и «белокурых народов» (Maur. P. 370. 30—34), а равно и об опасности «скифских» засад (Maur. P. 194), но ничего не говорит об этой хитрости применительно к персам: сарадины же вообще в «Стратегиконе» не встречаются.

Заслуживает внимания тот факт, что анты поставлены анонимом впереди склавинов, между тем как у Маврикия эти родственные племена всегда стоят в обратном порядке: видимо, общий источник трактата и «Стратегикона» составлялся в тот период, когда еще была жива память о войнах с антами — может быть, в середине VI в. или чуть раньше: у Прокопия, скажем, анты названы при перечислении нападающих на империю племен первыми в одном-единственном месте (VII, 14, 2), где говорится о переходах «варваров» через Дунай в 20-х—начале 30-х годов VI в.

¹⁷ Dain A. Les stratégistes. . . P. 346.

¹⁸ Кучма В. В. Византийские военные трактаты. . . С. 52.

¹⁹ Х. Михаэску датирует трактат первой половиной VI в., но не приводит этому никаких доказательств (Mauricius. Arta militaria / Ed. H. Mihăescu. Bucuresti, 1970. P. 6).

В. Я. ПЕТРУХИН, Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

К МЕТОДИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. «ВНЕШНЯЯ РОССИЯ» КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Для ранней истории Руси особое значение имеет трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», составленный в 948—952 гг. В 9-й главе трактата византийский император обобщает данные о Руси (Росии), в том числе по ее географии, которые во многом основаны на информации самих «росов» и поэтому считаются весьма достоверными. 9-я глава начинается с описания географии России: «Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινοπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νερογαρδάς, . . . εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ κάστρου τὴν Μιλινίσκαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγῶγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουζεγραδέ. Ταῦτα οὖν ἅπαντα διὰ τοῦ ποταμοῦ κατέρχονται Δανάπρεως, καὶ ἐπισυνάγονται εἰς τὸ κάστρον τὸ Κιο-

ἀβα, ... («...Приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются из Немогарда, а также из крепости Милински, из Телиуды, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они опускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава...»¹) Отождествление перечисляемых Константином локусов с древнерусскими городами, как правило, не вызывает сомнений; Немогард — Новгород, Милиниска — Смоленск, Телиуда — Любеч, Чернигога — Чернигов, Вусеград — Вышгород, Киоава — Киев. Сложнее решить проблему, какие из этих городов относятся к «внешней Росии» — ἔξω Ρωσσία при том, что о внутренней Росии у Константина речи нет.

Комментаторы текста, исходя из того, что данные Константина Багрянородного основаны на информации «росов», стремились совместить «внешнюю Росию» с регионами, выделяемыми в более поздних русских летописях. Прежде всего отмечается традиционное и для русских памятников противопоставление Новгорода и Киева. Однако, если соотносить Новгород с «внешней Росией», а Киев — с «внутренней», остается неясным, к которой из двух областей относятся прочие перечисленные города². Предположение, что они не входят ни во «внешнюю», ни во «внутреннюю» Росию, а принадлежат славянам³ (у Константина — данникам «росов»), не вполне согласуется с древнерусскими источниками: согласно «Повести Временных лет» Вышгород в сер. X в. был «Ольгиным градом» (т. е. принадлежал великой княгине), а Чернигов, как показал А. Н. Насонов, уже входил в великокняжеский домен.

Другой подход к проблеме — попытка воссоздать границы «внутренней Росии», не упомянутой Константином. Она отождествляется с Русской землей в узком смысле, территория которой наиболее обстоятельно была изучена А. Н. Насоновым по летописным данным XI—XII вв. Выделение Русской земли в узком смысле проецировалось исследователем и в X в. на основании договоров руси с греками, где Киев, Чернигов и Переяславль относятся к великокняжескому домену⁴. Исходя из этой гипотезы, Б. А. Рыбаков назвал Любеч северными, а Витичев — южными воротами «внутренней Руси»⁵. Но Чернигов, Вышгород и Любеч перечислены Константином Багрянородным в одном ряду с Новгородом вне очевидной связи с Киевом (Переяславль не назван вообще). В главе 37 трактата Константин противопоставляет «хору Росии» землям уличей, древлян и прочих славян — пактиотов росов; под «хорой Росии» А. Н. Насонов понимает Русскую землю в узком смысле: но судя по контексту 37-й главы Константин говорит лишь о южных границах Росии и хорах, с которыми соседят печенеги, поэтому сужение «хоры Росии» до Среднего Приднепровья едва ли правомерно. Кроме того, во всех перечисленных гипотезах неясным остается отношение Смоленска к внешней Росии.

Эта неясность сохраняется и в том случае, если предположить, что внешняя Росия — это северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском⁶. Действительно, в русских летописях известно деление Руси на Верховную, Верхнюю землю, или Верх, как назывались земли новгородские, и «низовские» земли (Киевщина), но Смоленск относится, как правило, к Верхней земле⁷. По Константину же, Смоленск

¹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. (Далее: *Const. Porphyg. De administrando imperio.*) Пер. Литаврина Г. Г. см. в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 272.

² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 31.

³ Мошин В. А. Начало Руси // *Byzantinoslavica*. 1931. 3. Р. 305.

⁴ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 28 и след.

⁵ Рыбаков Б. А. Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // 1 Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowianskiej. Wrocław, 1970. Т. 3.

⁶ Такова, в частности, точка зрения Д. Оболенского (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Commentary*. L., 1962. Vol. 2. P. 350—351).

⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 350—351.

скорее «тянул к Киеву, так как полюдье там собирали росы, выходящие из Киева. Согласно реконструкции Б. А. Рыбакова, полюдье киевских росов охватывало все перечисленные Константином города (кроме Новгорода)⁸, на этом основании их можно было включить в гипотетическую «внутреннюю Росию», но описание полюдья в трактате, вероятно, было неполным — помимо перечисленных славянских племен, платящих дань, Константин упоминает и прочих славян, а древляне, с которых также собирается дань, не включены Константином в «хору Росии». Создается впечатление, что список городов никак не связан с выделением «внешней» и «внутренней» Росии.

Наконец, вероятно, что выделение внешней Росии производилось самими византийцами⁹, а не русскими информаторами Константина. С этой точки зрения показательно, что император в той же 9-й главе помещает «всех росов» в Киеве, видимо, приняв за росов (как народ) обозначение великокняжеской дружины («вся русь» Повести временных лет)¹⁰. Отсюда и стремление Константина отделить «хору Росии» от земель славян, искусственность которого очевидна. Итак, несоответствие терминологии Константина древнерусским источникам заставляет поставить вопрос о том, что «внешняя Росия» отражает собственно византийскую традицию географических описаний.

Поскольку разбираемый фрагмент 9-й главы трактата несет в себе прежде всего определенную географическую дефиницию, вполне правомерно рассмотреть вопрос о значении оборота ἀπὸ τῆς ἕξω Ῥωσίας (ἧ ἕξω Ῥωσία) в контексте географических представлений и землеописаний древности и средневековья.

Как известно, первой — и большую часть истории человечества единственной — системой географического ориентирования в пространстве был географический эгоцентризм. Такое мироощущение было распространено вплоть до развитого средневековья, чем объясняется, в частности, и то, почему один и тот же человек в разные периоды своей жизни мог по-разному определять положение одних и тех же географических объектов.

Одной из разновидностей охарактеризованной системы является ориентирование в пространстве при помощи подбора в той или иной местности реперов, вокруг которых (опять-таки по мере удаления от них) строится описание всех прочих географических объектов. Такой метод положен в основу наиболее распространенного вплоть до развитого средневековья жанра перипла и т. п. — дорожника в самом широком смысле. Теми же причинами объясняются и различные принципы ориентирования карты у разных (а порой и одних и тех же) народов в разные эпохи.

Далеко не сразу, довольно поздно и повсеместно начинает пробивать себе дорогу вторичная, картографическая система ориентации. Однако создавшиеся на этой основе системы описания земли воспринимались современниками и потомками их создателей как ученые курьезы книжников — и не более¹¹. Показательнее всего в этом отношении судьба «Географического руководства» Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Его теоретические основы (в отличие от практической информации, содержащейся в этом труде, и астрономической системы того же автора) вплоть до XV в. не находят себе применения. Кроме того, как будет показано ниже, и самому Птолемею в практической части своего «Руководства» далеко не всегда удавалось преодолеть первичную систему ориентации.

⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 314 и след.

⁹ Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. 12. С. 136.

¹⁰ Ср.: Falk K.-O. Bemerkungen zum Namen Rusi // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981. S. 148—150.

¹¹ Ср.: Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 23 и след.

В рамках такой системы получили самое широкое распространение такие по сути своей нетерминологичные, расплывчатые и точно не фиксируемые в пространстве определения местоположения объектов по отношению к наблюдателю, как «дальше» — «ближе», «справа» — «слева» и т. п.¹² Чтобы не выходить за пределы греческой традиции, в русле которой идут и сочинения Константина Багрянородного, отметим, что именно на этом материале данная тенденция прослеживается едва ли не с исчерпывающей полнотой. Греческие географические сочинения предоставляют в наше распоряжение целую россыпь предлогов, наречий и производимых от них глаголов и других частей со значением «выше, за, вне, по ту сторону» и т. д. (ἄνω, ὑπέρ, ἐκτός, ἔξω, ἐξωτέρω, μετά и т. д.), что тождественно выражению «находиться дальше от наблюдателя» по сравнению с каким-либо более близким в каждом конкретном случае объектом: «по сую сторону, ниже, внутри» (κάτω, ἐντός, ἐνδοτέρω, ὑπό κτλ.) соответственно «находиться ближе к наблюдателю». В такую же зависимость от наблюдателя ставятся и определения «левой» (εὐώνυμος, χαλῖος, ἀριστερός, τὰ ἀριστερά) и «правой» (δεξιός, τὰ δεξιὰ) стороны¹³.

Пожалуй, единственным известным нам по собственным сочинениям античным географом, последовательно борющимся против первичной системы ориентации, был Клавдий Птолемей. В первой и начале второй книги своего труда он скрупулезно обосновывает и отстаивает необходимость применения картографического метода описания Земли, выработки четкой системы координат, утверждения единой, северной, ориентации карты, описания ойкумены строго с Запада на Восток, а внутри каждой страны или области — с Севера на Юг (*Ptol. Geogr.* 1, 24, 1; 2, 1, 4 и др.)¹⁴. А. В. Подосинову представляется, что эти принципы Птолемею удалось выдержать на протяжении всего «Географического руководства», хотя и он не смог пройти мимо одного явного от них отклонения. Одному из авторов, со своей стороны, уже приходилось писать, приводя соответствующие примеры, что и у Птолемея эти принципы имеют только общее значение, а предлоги ὑπέρ и ὑπό далеко не всегда значат только «севернее» и «южнее», но в достаточно многочисленных случаях сохраняют черты, присущие исторически первой системе ориентирования в пространстве¹⁵ (ср. еще один пассаж, где предлог ὑπό может не соответствовать географически фиксированной ориентации, но иметь детерминологизированное значение. См.: *Ptol. Geogr.* 4, 7, 20).

Проверим, не сохранились ли следы первичной ориентации в употреблении Птолемеем и других предлогов и наречий. В описании карты Испании географ пишет *Ptol. Geogr.* 8, 4, 2), что с юга она омывается несколькими морями (они поименно перечисляются) и Гераклеийским (-Гибралтарским) проливом μέγχι τῆς ἔξω θαλάσσης. Здесь ἡ ἔξω θάλασσα (внешнее море) — обозначение части Западного океана, внешнего по отношению к средиземноморскому жителю. Любопытно, что через запятую в той же фразе Западный океан оказывается собственным именем, что дает нам четкий географический ориентир (ἀπό δὲ δόσεως τῆ δυτικῆ Ὠκεανῶ). Так в одном предложении переплелись две различные системы ориентации. Противопоставление внешнего (дальнего, Океана) и внутреннего (ближнего, Средизем-

¹² Ср.: Там же. С. 30, 38; *Калинина Т. М.* Сведения аль-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1983 г. М., 1984. С. 184, 196; *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40—48. На обширном материале эти вопросы рассмотрены в кн.: *Janji P.* La tara e il periplo. Macerata, 1984.

¹³ *Подосинов А. В.* Картографический принцип. . . С. 26, 23, 31; специально данному вопросу посвящена другая работа того же автора: Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147—165.

¹⁴ См. раздел одного из авторов в работе: *Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Шеглов А. Н.* Городище Рудь — Мэтоний Птолемея? // ВДИ. 1981. № 4. С. 126—131 (особ. С. 129—131); Ср.: *Подосинов А. В.* Картографический принцип. . . С. 36—37; *Он же.* Из истории. . . С. 155.

¹⁵ *Романовская М. А.* и др. Указ. соч. С. 131—132.

ного) моря встречается нам еще при описании областей той же Испании *Ptol. Geogr.* 2, 4, 4): 'Η δὲ πρὸς μεσημβρίαν πλευρὰ τῆς βασιτικῆς περιορίζεται τῷ μὲν ὠκεανῷ κατὰ τὴν ἐκτὸς θάλασσαν καὶ τὸν Ἡρακλείου πορθμὸν, τῷ δὲ Ἰβηρικῷ πελάγει κατὰ τὴν ἐντὸς θάλασσαν («Обращенная к югу сторона Бетики ограничивается океаном вдоль [побережья] внешнего моря и Гераклеийского пролива, и Иберийским морем вдоль [побережья] внутреннего моря») (ср.: *Ptol. Geogr.* 2, 4, 6: Κάλπη ὄρος καὶ στήλη τῆς ἐντὸς θαλάσσης). 'Η ἔσω θάλασσα обозначается Атлантический океан и в совершенно аутентичных памятниках греческой письменности — надписях (см.: *Bull. épigr.* 1971. N 546. P. 485).

В описании Среднего Востока (VI книга) явно чувствуется, что источник Птолемея характеризовал области этой части света, исходя из того, что сам он находился в ее центре. Так, в описании Скифии по эту сторону горы Имаон [ἐντὸς Ἰμαίου — букв.: «внутри (горы) Имаон»] говорится: καὶ παρὰ τὸ Ἰμαίον τὸ ἐκτὸς Τεκτόσακες (*Ptol. Geogr.* 6, 14, 9) — («вдоль внешнего Имаона (по ту стороны Имаона) тектосаки (обретаются)»). И далее (6, 15, 1): 'Η ἐκτὸς Ἰμαίου ὄρους Σκυθία περιορίζεται ἀπὸ μὲν δύσεως τῇ ἐντὸς Σκυθία καὶ Σάκαις... ἀπὸ δὲ μεσημβρίας μέρει τῆς ἐκτὸς Γάγγου ποταμοῦ Ἰνδικῆς («Скифия по ту сторону (вне) горы Имаон ограничивается с Запада Скифией по сю сторону (внутренней) и саками... с юга же частью Индии по ту сторону (вне) реки Ганга») (так у Птолемея называется Индия, расположенная южнее Ганга). Своего рода антитезой только что приведенному отрывку, указывающей на то, что в описании Южной и Юго-Восточной Азии Птолемей пользовался еще одним источником, служит пассаж из первой книги. Здесь (*Ptol. Geogr.* 1, 17, 5) говорится о части Индии, расположенной «глубже, внутреннее, ближе» вплоть до залива Каттигары, локализуемого в Китае.

Вообще наречия ἐντὸς, ἐνδοτέρω употребляются в нейтральном значении «внутри — между» только в тех случаях, когда наверняка имеются установленные самим географом и ясные для него четкие рубежи, между которыми что-либо существует κατέχει δὲ τὴν Σαρματιάν ἔθνη μέγιστα... περικίνοί τε καὶ Βαστέρται... καὶ Ῥωξολανοὶ καὶ ἐνδοτέρω τοῦτων οἵτε Ἀραξόβιοι καὶ Ἀλαῶναι Σκύθαι... («занимают же Сарматию большие племена: венеды вдоль всего венецкого залива и севернее Дакии певкины и бастерны (или бастарны), а вдоль всего побережья Меотиды языги и роксаланы, и глубже (внутри, между) этих гамаксобии и аланы-скифы») (*Ptol. Geogr.* 3, 5, 49; ср.: 3, 10, 13; 6, 2, 5). Можно думать, что здесь мы имеем наглядные примеры того, как Птолемей перерабатывал данные первоисточника, подчиняя их новому, картографическому принципу описания земного пространства.

В тех же случаях, когда Птолемей не успел или не имел достаточных оснований проделать такую работы, наречие ἐνδοτέρω в полном соответствии с первичной системой указывает на близость той или иной области центру описываемой территории (см.: *Ptol. Geogr.* 2, 4, 1; 4, 7, 28).

Реликты первичной системы ориентации наблюдаются и в употреблении географом наречий ἄνω и κάτω (*Ptol. Geogr.* 4, 5, 62; 67, 4, 5, 50). Наконец, полностью сохранены Птолемеем традиционные названия областей — «Верхняя» (3, 9) и «Нижняя» (3, 10) Мисия, «Верхняя» (2, 14—15) и «Нижняя» (2, 15—16) Паннония, названные так в свое время за разную удаленность от побережья омывающих морей; Скифия «по сю сторону» (6, 14) и «по ту сторону» (6, 15) горы Имаон, Индия «по сю сторону» (7, 1) и «по ту сторону» (7, 2) Ганга и т. д.

Сделанные наблюдения не должны вызывать в нас, как в некоторых скептиках XIX в., недоверия к сведениям Птолемея и настраивать на их гиперкоррекцию. Важно помнить, что Птолемей, как любой новатор (насколько преуспел в деле перестройки географии на новый лад его предшественник и антипод Марин, мы не знаем) не мог разом решить все проблемы.

Гораздо важнее другое. Уже сам факт, что даже такой всеобъемлю-

щий, энергичный и плодотворный ум, как Птоломей, в своем «Географическом руководстве» не смог окончательно преодолеть географический эгоцентризм¹⁶, присущий его источникам, показывает, насколько глубокие корни имели такие представления в сознании людей того времени. Их живучесть доказывается, в частности, еще и тем, что, например, перипл Маркиана Гераклеота (V в. н. э.), местами дословно повторяющий Птолемя, целиком основан на приемах, присущих издревле литературе такого рода, и обнаруживает непонимание его автором теоретических основ географии александрийского ученого.

Как мы упоминали выше, центристские тенденции господствовали в географической литературе Востока, Руси и Запада и в позднее средневековье вплоть до XV в. Не в последнюю очередь такому положению должно было способствовать и то, что в практической части труда Птолемя, оказавшей в отличие от его теоретических основ значительное влияние на географическую мысль средневековья¹⁷, сохранились существенные реликты отвергаемого самим географом принципа землеописания. Такое противоречие между прокламируемыми принципами и их реальным воплощением должно было препятствовать восприятию идей Птолемя и возвращать географов к испытанным методам работы, поскольку уже сам труд Александрийца наглядно демонстрировал, какая непосильная для одного человека работа требуется для последовательного проведения картографического принципа в описании Земли. Такая задача была по плечу только географическим школам нового времени.

Поэтому уместно будет поставить вопрос: если географический эгоцентризм был имманентно присущ человеческому мышлению на протяжении столетий до Птолемя и после него, да, очевидно, в конечном счете и его собственному мировосприятию; если такие представления господствовали и в эпоху Константина Багрянородного, то вправе ли мы ожидать от венценосного писателя каких-либо иных воззрений? Думается, что нет. Это тем более очевидно потому, что Константин в том же трактате упоминает «внутреннюю Персию» (*Const. Porphy. De administrando imperio*. 22), имея в виду Хорасан, а также «Малую», или «Внешнюю Испанию» (*Const. Porphy. De administrando imperio*. 21), сопровождая это упоминание прямой ссылкой на античную традицию — книгу Харакса «Эллиники». Видимо, к той же традиции следует отнести и упоминание «страны ар-Русийа внешней» у ал-Идриси, повествующего также о внутренних и внешних басджиртах и т. п.¹⁸.

В таком случае вернемся к значению наречия ἔξω в греческой географической литературе. Разобратные примеры показали, что наблюдатель, полагающий себя в центре описываемого им пространства, обозначал этим словом области и объекты «внешние», т. е. более удаленные от центра (самого наблюдателя) по сравнению с «внутренними», т. е. более приближенными к тому же центру. Именно в такой системе географического описания возможны и наполнены реальным смыслом аптонимичные пары типа ἐντός—ἐκτός (ἔξω), ἐνδοτέρω—ἔξωτέρω и т. д. обыгрываемые в том числе и Птолемеем.

Следовательно, ἡ ἔξω Ῥωσία Константина Багрянородного — «внешняя Россия» в буквальном географическом смысле как для южного наблюдателя. Таким образом он определяет более северные (внешние, удаленные от него) области Руси по сравнению с южными (внутренними, близкими к столице Византийской империи) ее землями, видимо Киевом, где император помещает «всех росов». Как было показано, такое достаточно механическое деление любой страны на «внешние» и «внут-

¹⁶ В этом смысле показательна и геоцентрическая космология Птолемя.

¹⁷ См. об этом подробнее в статье: Романовская М. А. и др. Указ. соч. С. 127 (с литературой).

¹⁸ Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства. . . С. 209. 216; то же деление на «внешнюю» и «внутреннюю» Скифию воспринимает именно у Птолемя аль-Хорезми. См.: Калинин Т. М. Указ. соч. С. 184, 196.

ренние» области имеет глубокие корни в греческой географической литературе. Оборот ἡ ἕξω Ῥωσία не имеет самостоятельного политического значения, будучи чисто географическим определением.

Наконец, еще один вывод. Стремление «совместить», согласовать данные разных традиций — в данном случае византийской (восходящей к античной) и древнерусской — не всегда может быть правомерным. Описание, данное «извне», может иметь собственные штампы, не согласующиеся с «автохтонным» восприятием. Так, «внешняя Русия» не находит прямого аналога в исторической географии собственно Руси.

О. М. РАПОВ

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ ВЗЯТИЯ КОРСУНЯ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

В 47-м томе «Византийского временника», вышедшем в 1986 г., опубликована статья Н. М. Богдановой «О времени взятия Херсона князем Владимиром». В ней автор стремится выявить подлинную дату захвата русскими войсками Корсуня (Херсона средневековых византийских хроник) — важнейшего стратегического и хозяйственного центра Византийской державы в Крыму. Историкам эта дата представляется исключительно важной в первую очередь потому, что, согласно некоторым источникам, после «корсунского взятия» киевский князь Владимир Святославич стал проводить политику массового обращения жителей Руси в христианство. Уже в древнерусских письменных памятниках XI—XII вв. имелся разноречивая датировка этих событий. Так, если в «Памяти и похвале Владимиру», написанной Иаковом Мнихом в середине XI в., сказано, что русский властелин овладел Корсунем в 990 г., то создатели «Повести временных лет» поместили сведения об этом событии и о начале всеобщей христианизации Руси под 988 г. Данное обстоятельство привело к спорам среди исследователей по поводу истинной хронологии этих событий¹. Одной из последних работ, посвященных этому вопросу, была моя статья², в которой я попытался доказать, что Владимир взял Корсунь весной 990 г. Н. М. Богданова не согласилась с моей версией и выдвинула собственную, используя для этого особую систему доказательств.

Для уточнения датировки многие историки использовали замечание византийского хрониста Льва Диакона, которым он прочно связал захват Корсуня русскими с появлением на небе кометы. Чтобы читателю было легче ориентироваться, я приведу текст этого хрониста конца X в. в переводе В. Г. Васильевского: «...и другие тяжкие бедствия предвещал восход появившейся тогда звезды, а также показавшиеся в глухую ночь и опять на северной части неба огненные столбы, наводившие страх на тех, кто их видел, — они предсказывали последовавшее затем взятие Херсона тавроскифами и захват Веррей мисянами (болгарами), — и, сверх того, звезда, появляющаяся с закатом солнца на западе, которая совершала свой восход по вечерам, не сохраняла, однако, прочного положения в одном центре, но, испуская светлые блестящие лучи, делала частые перемещения, будучи видима то севернее, то южнее, а иногда даже при одном и том же восхождении изменяя свое местоположение в эфирном пространстве, так что видевшие это удивлялись, поражались

¹ Историографические обзоры см.: Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // ВИ. 1984. № 6. С. 34—37. (Далее: Рапов О. М. Христианство. . .); Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—40. (Далее: Богданова Н. М. О времени. . .).

² См.: Рапов О. М. Христианство. . .